

НОВГОРОД ВО ВРЕМЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

обеда Степана Твердиславича оказалась столь решительной, что за все время его посадничества была лишь единственная попытка возродить внутрибоярскую борьбу — авантюра «Борисовой чади» в 1232 г. Это посадничество стало первым продолжительным и прерванным только смертью посадника правлением со времени Мирошки Несдинича. Заняв эту должность в декабре 1230 г., Степан остается посадником до смерти 16 августа 1243 г. Летописец точно исчисляет время его правления: «Посадничество держав 13 лет без 3 месяц». Местом погребения Степана Твердиславича стал Софийский собор, где его похоронили с почетом рядом с архиепископами Аркадием и Мартирием¹.

Длительность посадничества Степана Твердиславича и его почетное погребение — несомненные знаки торжества той новой боярской политики, возникновение которой прослеживается в его время. С вокняжением Ярослава Всеволодовича число свидетельств новой формы союзнических отношений Новгорода с владимирскими князьями множится.

Приняв новгородский стол в 1230 г., Ярослав через две недели, в середине января 1231 г., возвращается в Переяславль и оставляет в Новгороде своих сыновей Федора и Александра. Описывая этот акт, летописец сообщает: Ярослав «два сына своя посади в Новегороде»². Это, однако, не означает перерыва в его княжении. И в 1231 г. Ярослав Всеволодович остается новгородским князем, а пребывание в Новгороде его сыновей лишь выражает идею его суверенитета. В 1232 г. Ярослав идет в по-

¹ НПЛ. С. 79, 297–298.

² Там же. С. 66, 272.

ход на Чернигов с «новгородци и с всею властью своею»³, а под 1233 г., сообщая о нападении немцев на новгородские земли, летописец замечает: «Князю же Ярославу не сущу в Новеграде, нъ в Переяславле бе»⁴. Тогда же и Псков впервые строит свои отношения с князем по новой новгородской схеме. В рассказе о переговорах псковичей с Ярославом Всеволодовичем в 1232 г. летописец изображает классическую форму суверенитета князя над городом: «Приидоша плесковици, и поклонишася князю и ркоша: «ты нашъ князь»; и испросиша у Ярослава сына Федора; и не дасть им сына, и рече им: «Се даю вы шюрин свои Юрья, и то вашъ князь»⁵.

Сравнивая внешние признаки отношений Новгорода и великого князя в XI в. и отношений Новгорода с Ярославом Всеволодовичем во второй четверти XIII в., мы как будто обнаруживаем сходные положения. Если в XI в. на Новгород распространялся суверенитет киевского великого князя, из рук которого новгородцы получали своих князей, то теперь новгородцы признают над собой суверенитет Ярослава Всеволодович, который сам решает, кого из своих родственников отправить в Новгород. Если учесть при этом, что «вольность в князьях» была главным лозунгом антикняжеской борьбы на протяжении всего XII в., то можно было бы говорить о том, что круг антикняжеской борьбы замкнулся возвращением обеих сторон на исходные рубежи.

Однако это лишь внешнее сходство. В XI в. великий князь был полным хозяином Новгорода, составлявшего часть его «отчины». Теперь Ярослав — лишь один из участников государственного управления, его власть в Новгороде решительно ограничена, а суверенитет оказывается только формой союза, не затрагивающей внутренних порядков боярской республики. Более того, сама форма отношений Новгорода с Ярославом Всеволодовичем принципиально отлична от формы отношений Новгорода с киевскими князьями XI в. Ярослав Всеволодович занимал новгородский стол по избранию. Он приносил присягу «на всей правде новгородской», т. е. гарантировал свое невмешательство в республиканские порядки. Новгородцы были «вольны» в этом избрании. Что же касается княжичей, которым Ярослав поручил новгородский стол, то их положение не име-

³ НПЛ. С. 71, 280.

⁴ Там же. С. 72, 282.

⁵ Там же. С. 72, 281.

ет ничего общего с положением князей-наместников XI в. Они являются личными представителями Ярослава и по своей природе близки княжеским наместникам в Новгороде XIV–XV вв. Показательно, что в XV в. составитель летописного списка «А се князи Великого Новагорода» не включает княжичей в число новгородских князей. В его изложении история новгородского стола в рассматриваемый период выглядит так: «... и опять Михаило Всеволодович; и посадиша сына своего Ростислава на столе, а сам Чернигову; и опять Ярослав Всеволодичь; и по нем сын его Александр Храбрыи; и по нем брат его Андреи; и опять Александр...»⁶.

Начало действительного княжения Александра Ярославича относится не к 1230 г., когда он вместе с братом Федором был оставлен в Новгороде отцом, а к 1236 г., когда Ярослав Всеволодович стал киевским князем и союз Новгорода с ним утратил первоначальный смысл. Действенная защита Новгородской земли от нападений с запада могла быть обеспечена только союзом Новгорода с соседними княжествами Северо-Восточной Руси и личным участием князей в обороне новгородских границ. Поэтому Ярославом и новгородцами княжение в Новгороде передано Александру Ярославичу (его старший брат Федор умер еще в 1233 г.): «Поиде князь Ярослав из Новаграда Киеву на стол, понявши с собою новгородцов болших муж: Судислава в Славне, Якима Влунковица, Костя Вячеслалица, а новоторжець 100 муж; а в Новеграде посади сына своего Александра; и пришедши, седе в Киеве на столе; и держав новгородцов и новоторжан одну неделю и, одарив, отпусти прочь, и приидоша вси здрави»⁷.

Начало княжения Александра Ярославича в Новгороде совпало с особенным усилением военной опасности. В 1237 г. в Прибалтике объединятся Ливонский и Тевтонский ордены, а в Ригу прибывают многочисленные немецкие пополнения. Активизирует свою агрессию против русских земель объединяющаяся Литва, от которой в 1237 г. сильнейшее поражение потерпел Псков со своими союзниками. В 1238 г. русской земле нанесен страшный удар вторым нашествием монголо-татар, полчища которых вторглись и в новгородские пределы, сожгли и разграбили Торжок и только сто верст не дошли до Новгорода.

⁶ НПЛ. С. 471.

⁷ Там же. С. 74, 285.

В этой обстановке значение союза Новгорода с князем должно было возрасти неизмеримо. В летописном рассказе о событиях этих лет фигура князя Александра занимает центральное место. Летописец сообщает о мерах по укреплению обороны Новгородской земли (постройка пограничных городов на Шелони), женитьбе Александра на дочери полоцкого князя, укрепившей военный союз территорий, находившихся в наиболее угрожаемом положении. В 1240 г. Александр возглавляет поход новгородцев на Неву и прославляет свое имя в победоносной Невской битве со шведами.

Можно предполагать, что усиление роли князя сопровождалось уже в это время и более активным его вмешательством в новгородские республиканские порядки. Во всяком случае летопись, не объясняя причин ссоры, рассказывает, что сразу же после Невской битвы Александр «роспревся с новгородци» и ушел со своим двором в Переяславль⁸.

Разрыв новгородцев с Александром не повлиял, однако, на союзнические отношения Новгорода с Ярославом и Ярославичами. Нового князя новгородские послы просят в Переяславле у Ярослава Всеволодовича и получают Андрея Ярославича, военные способности которого, по-видимому, не удовлетворили новгородцев, оказавшихся под угрозой нового натиска немцев. В том же году они примиряются с Александром, который в 1241 г. снова садится в Новгороде и начинает серию походов на немцев, добившись в 1242 г. решительной победы на льду Чудского озера.

Летописец ничего не сообщает о деятельности посадника Степана Твердиславича, умершего в следующем году. Личность Александра Невского целиком заслонила другие, менее значительные фигуры новгородской истории того времени. Однако, несомненно, его деятельность сыграла не последнюю роль в общем направлении новгородской политики.

Перед посадником 1230-х гг. стояла серьезнейшая политическая задача сплочения всех сил для защиты Новгорода от иноземной агрессии. Эта задача требовала выдающихся дипломатических талантов. Необходимо было преодолеть соперничество боярских группировок и повысить авторитет посадничества в глазах самого боярства. Нужно было поддерживать военный со-

---

⁸ НПЛ. С. 78, 294–295.

юз с князем, защищая в то же время завоевания боярской государственности. Наконец, посадничество Степана Твердиславича началось в сложной социальной обстановке — после двух сильнейших антикняжеских и антибоярских восстаний и трех неурожайных лет, приведших к голодному мору в 1231 г. Успех политики Степана Твердиславича свидетельствует о серьезном сплочении боярства перед лицом военной опасности и возросшего недовольства «простой чади».

После смерти Степана летописец не упоминает посадников в течение двенадцати лет, что можно объяснить все той же определенностью политической обстановки внутри Новгорода. Посадник для летописца перестает быть выразителем основных противоречий в политической борьбе, и летописец утратил интерес к нему. Это тем более показательно, что оба летописных списка посадников называют преемником Степана Твердиславича Сбыслава Якуновича, о посадничестве которого летописи умалчивают, хотя он и был одним из главных героев Невской битвы⁹.

Впервые после долгого перерыва посадник упомянут в летописном рассказе о событиях 1255 г. Сами эти события весьма значительны и позволяют поставить вопрос о новых изменениях в отношениях боярства и князя. Весь промежуток от 1243 до 1255 г. заполнен в Новгороде княжением Александра Ярославича, место которого в русской княжеской иерархии постепенно изменяется.

В 1243 г. Батый, приступив к фискальной организации русских территорий, впервые официально провозглашает свой суверенитет над Русью и присваивает себе право утверждать великого князя. Ярлык на право старшинства над русскими князьями был им вручен Ярославу Всеволодовичу. К этому времени Ярослав был великим князем владимирским, которым он стал после смерти Юрия в 1238 г. Несомненно, обладание вла-

---

⁹ И. И. Григорович (Опыт. С. 136 и след.) говорит об убийстве татарами в Торжке в 1237 г. новгородского посадника Иванки. В действительности летопись сообщает об убийстве в 1238 г. новоторжского посадника Иванки, который, возможно, отождествляется с бывшим новгородским посадником Иванкой Дмитриевичем. Неправоммерно и утверждение И. И. Григоровича (Опыт. С. 131 и след.) о посадничестве в 1228 г. Судимира, или Станимира, которого источники никак не титулуют.

димирским столом в первой половине XIII в. уже стало синонимом наиболее сильной на Руси княжеской власти. Однако целиком утративший свое влияние Киев в это время еще оставался юридическим, номинальным центром Русской земли. В нем сохранялись митрополия и великое «русское» княжение. Поэтому право старшинства над русскими князьями для Ярослава было подтверждено передачей ему Киева, куда был отправлен его воєвода Дмитрий Ейкович¹⁰.

30 сентября 1246 г. Ярослав Всеволодович был отравлен татарами, и в этом же году его сыновья Александр и Андрей отосланы Батыем в Монголию, где удерживались великим кааном до 1249 г. Каан Гуюк предпринял политический шаг, которому нельзя отказать в дальновидности. Он вручил Александру Киев и «всю Русскую землю», а Андрею — Владимир. Тем самым великое «русское» княжение, которое при Ярославе сочетало в себе и фактическую, и юридическую власть, теперь было разделено. Александр Ярославич стал старейшим среди русских князей, но реальная сила фактической власти оказалась в руках его брата. В 1252 г., после смерти Батыя, Александр предпринимает решительные шаги к ликвидации этого двусмысленного положения. Силами «Неврюевой рати» он вынуждает Андрея Ярославича бежать за пределы русских земель, а сам садится на владимирское княжение.

С этого момента юридический центр «русского княжения» навсегда переносится в Северо-Восточную Русь. Деятельность Александра по объединению обеих областей несла в себе патристическую идею единства Русской земли в эпоху ее величайших испытаний. Что касается Новгорода, то там эта деятельность приводит к закреплению новых форм отношений республиканской и княжеской власти.

Со времени возникновения союзнических отношений Новгорода и Ярослава Всеволодовича суверенитет князя над Новгородом носил личный характер. В основе этих отношений лежал традиционный принцип «вольности в князьях». Приглашение князя не связывалось с его положением в княжеской иерархии. Ярослав в 1225 г., когда новгородцы позвали его на стол, был переяславским князем так же как и в 1230 г., когда он сменил на новгородском столе Ростислава Михайловича. Напротив, ког-

---

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. С. 340.

да Ярослав в 1236 г. занял киевский стол и тем самым приобрел номинальные права великого князя «русского», новгородское княжение переходит к его сыну, который в этот момент вообще не владел каким-либо уделом.

Иерархическая эволюция Александра Ярославича меняет схему взаимоотношений коренным образом. С 1252 г. на Новгород распространяется не только личный суверенитет Александра как участника союзнического договора с Новгородом, но и суверенитет Александра как великого князя, официального главы русских князей. Вопрос о принадлежности новгородского стола встал в связи с вопросом о принадлежности великого княжения. Принцип поддержания суверенитета великого князя в Новгороде в дальнейшем последовательно осуществлялся.

Однако немаловажное значение имеет и другое обстоятельство. Возникновение суверенитета великого князя над Новгородом произошло в ходе событий, не имеющих прямого отношения к новгородской политике. Оно было связано с личной карьерой Александра, получившего новгородский стол в тот момент, когда был лишь безземельным князем. Проблема признания или неприятия великокняжеского суверенитета поэтому могла возникнуть только в 1252 г., когда перед новгородским боярством четко обозначились два возможных пути развития его государственности: путь признания суверенитета великого князя, преимущества которого для боярства заключались в общей слабости, практической номинальности великокняжеской власти в эпоху еще не начавшегося собирания русских земель и удаленности Новгорода от великого князя¹¹, и сепаратистский путь неприятия этого суверенитета, «вскармливания» и поддержки собственного князя, который был бы обязан своим положением новгородскому боярству.

Поскольку эта проблема не только возникла, но и породила в Новгороде внутреннюю борьбу, можно полагать, что сама острота ситуации вызвана тем, что великокняжеская власть и новгородское княжение совместились именно в руках Алексан-

---

¹¹ Вспомним слова А. С. Пушкина: «Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не общины (communes), удаленные от Великокняжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1958. Т.7. С. 621).

дра, личный авторитет которого особенно усиливал позиции княжеской власти в Новгороде.

Став в 1252 г. великим князем, Александр оставляет на новгородском столе своего сына Василия, с которым в 1253 г. новгородцы совершают поход к Торопцу на Литву¹². Летописный список новгородских князей не упоминает Василия Александровича, который был только наместником Александра; ряд Александра с новгородцами сохраняет свою силу и после 1252 г.

В 1255 г. новгородцы изгоняют Василия и приглашают на его место из Пскова брата Александра Невского и союзника изгнанного Андрея — Ярослава Ярославича. Эти перемены вызвали поход Александра на Новгород и события, в изложении которых летописец впервые достаточно определенно противопоставляет «менших» и «вятших» людей. Вполне очевидно, что изгнание Василия в действительности было разрывом с Александром, выступлением против суверенитета великого князя над Новгородом и выбором сепаратистского пути.

В ответ на требование Александра выдать ему виновников изгнания его сына «меньшие» собрали вече на Ярославовом дворе и дали клятву «како встати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. У «вятших» «бысть совет зол, как победити меньшие, а князя ввести по своей воле». Внук Твердислава Михалко Степанович, который был намечен «вятшими» в посадники, попытался напасть на «менших», что едва не привело к компромиссу между «вятшими» и посадником Онанией, стоявшим на стороне «менших». Онания — сторонник Ярослава Ярославича и один из вдохновителей борьбы с Александром, поскольку в обмен на прощение великий князь требует только лишения его посадничества и избрания на его место Михалки Степановича. Новгородский стол он оставил за собой и, уходя из Новгорода, не сажает на нем наместника¹³.

Противопоставление «менших» «вятшим», совпадающее с политическим размежеванием новгородцев, часть которых сплотилась вокруг Александра Невского и идеи суверенитета великого князя, а другая часть — вокруг Ярослава и сепаратистской идеи независимого новгородского княжения, нуждается в социальной характеристике. С какими слоями новгородского

¹² НПЛ. С. 80, 307.

¹³ Там же. С. 80–81, 307–308; ПСРЛ. Т. 4. С. 38; Т. 5. С. 188; Т. 7. С. 160.

общества отождествляются «меньшие» и «вятские»? М. Н. Тихомиров, подробно исследовавший восстание 1255 г., приходил к безоговорочному отождествлению «меньших» и «черных» людей и характеризовал восстание как классовое столкновение черного люда с боярством. «Историк классовой борьбы в древней Руси, — писал М. Н. Тихомиров, — в первую очередь должен отметить необыкновенно четкое деление Новгорода на две враждующие стороны: с одной стороны — «меньшие», с другой — «вятские» люди, замысляющие против «меньших» «совет зол», враждебный заговор. В этом делении нет и намека на борьбу концов или сторон Торговой и Софийской, это деление чисто классовое: «меньшие» и «вятские». При этом летопись отождествляет «меньших людей» с «черными людьми», следовательно, с основной массой трудящегося новгородского люда»¹⁴.

Этот вывод, однако, весьма противоречив. Во-первых, летописец достаточно ясно изображает территориальное противопоставление сторон Новгорода в ходе борьбы. «Меньшие» связаны с Торговой стороной, здесь они собираются на вече; с защитой Торговой стороны связана и система обороны «меньших», которые выставляют полк у церкви Рождества на Поле и у церкви Ильи Пророка против Городища; наконец, летописец прямо говорит о том, что Михалко Степанович со своим полком собирался от Юрьева монастыря напасть на «нашу сторону». Это территориальное разграничение «меньших» и «вятских» еще откровеннее будет изображено в рассказе о событиях 1259 г. Далее, возглавлявший «совет зол» «вятских людей» Михалко Степанович принадлежит к боярству Прусской улицы, которое в посадничестве представляли уже три поколения его предков. Если роль территорий в ходе столкновения 1255 г. несомненна, то нет никаких оснований предполагать, что на Торговой стороне во время восстания сконцентрировался только черный люд, а на Софийской — все боярство. Напротив, на стороне восставших остаются посадник и, как можно догадываться, та часть боярства, которая выступала против Александра Невского. Летописец вовсе не отождествляет «меньших» и «черных» людей. Активное вмешательство черных людей вызывает колебания посадника Онании, который предупреждает

¹⁴ Тихомиров М. Н. Городские и крестьянские восстания на Руси. С. 268.

Михалку и оказывается вынужденным защищать жизнь своего посла Якуна от черных людей. Все это заставляет давать иное истолкование социальной сущности «менших».

Прямое отношение к этой проблеме имеют некоторые статьи новгородских княжеских докончаний, в которых отражено аналогичное разделение новгородского общества на «старейших» и «менших». Это разделение присутствует в начальных формулах большинства докончаний XIII и XIV вв.: «Благословение от владыце, поклон от посадника, и от тысяцкого, и от всех старейших, и от всех меньших, и от всего Новгорода господину князю...»¹⁵. Поскольку в других случаях та же формула выражена в сокращенном варианте: «Благословение от владыки, поклон от посадника, и от тысяцкого и от всего Новгорода князю...»¹⁶, можно с уверенностью говорить, что деление на «старейших» и «менших» отражает основное юридическое членение новгородского общества, которое состояло только из «старейших» и «менших». Иными словами, логически допустимы два возможных решения проблемы. Если «старейшие», или «вятские», отождествляются с боярами, то понятие «меньшие» должно охватывать все остальные категории населения Новгорода, включая не только черных, но также житых и купечество. Если же «меньшие» является синонимом черных людей, то под «старейшими» или «вятскими» следует понимать не только бояр, но и житых. Правильность такого подхода подтверждается тем обстоятельством, что в начальных формулах позднейших договоров выражению «от всех старейших и от всех меньших» соответствует более подробное перечисление «от бояр, и от житых людей, и от купцов, и от черных людей»¹⁷.

Указания для правильного решения поставленной проблемы содержатся в принципиальном тождестве ранних формул: «от всех старейших и всех меньших и от всего Новгорода» и «от посадника и от тысяцкого и от всего Новгорода». В последнем случае упоминанием посадника и тысяцкого обозначено представительство от тех же «старейших и «менших». Характер представительства этих двух должностных лиц для рассматриваемого времени достаточно ясен. Если посадник возглавлял боярское

¹⁵ ГВНП. С. 19. № 9; ср. № 2, 3, 6, 7, 10, 15.

¹⁶ Там же. С. 18. № 8; ср. № 4, 5 11–14, 16, 18.

¹⁷ В самой ранней формуле такого типа (1372 г.) упоминание купцов отсутствует (Там же. № 17, 21).

управление, то место тысяцкого четко обозначено в «Рукописании Всеволода»: тысяцкий был представителем житых и черных людей. Следовательно, связывая «старейших», или «вятших», с боярством, мы в «менших» должны видеть всю совокупность остальных слоев Новгорода, не располагавших правом участия в высшем государственном органе — посадничестве.

Следует обратить особое внимание на несомненное существование кастовости новгородского боярства в XIII в. Наблюдения над списками посадников и тысяцких этого времени показывают, что эти списки не пересекаются. Имена посадников постоянно соединяются между собой линиями генеалогических связей, но все имена тысяцких стоят вне системы этих связей. Кастовая изолированность боярства еще более углубляет рубеж, отделяющий его от «менших».

Принадлежность житых (зажиточных новгородцев не боярского происхождения) к «меншим» подтверждается также сравнением двух документов, которые относятся к более позднему времени, но, отражая динамику развития социальной терминологии в Новгороде, могут быть использованы и в данной связи. Имеются в виду «Устав Ярослава о судах святительских», сохранившийся в редакциях не ранее рубежа XIV—XV вв., и «Новгородская судная грамота» XV в.

В «Уставе Ярослава» проведено четкое деление между «великими боярами» и «меншими боярами». Ставки штрафов за оскорбление жен и дочерей «великих бояр» в пять раз превосходят ставки штрафов за аналогичные оскорбления жен и дочерей «менших» бояр¹⁸. Ниже «менших бояр» в том же уставе стоят «нарочитые люди» и «простая чадь». Принято считать, что терминология документа целиком заимствована из болгарского права¹⁹. Однако даже при таком заимствовании терминология, чтобы не стать бессмысленной, должна соответствовать реальным социальным градациям русского общества. Это соответствие прослеживается и в «Новгородской судной грамоте», где установлено следующее взыскание: «На виноватом на боярине

¹⁸ НПЛ. С. 481, 483. «Аще кто умчит девку или понасилит, аще боярская дщи будеть, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота. Аще будеть менших бояр, ей гривна золота, а митрополиту гривна золота...» и другие аналогичные статьи.

¹⁹ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 214.

50 рублей, а на житьем двадцать рублей, а на молодшем десять рублей»²⁰. По смыслу законодательства цитированная статья не включает в перечисленные категории социально зависимых людей. И здесь штрафы «молодших» в пять раз меньше штрафов бояр. Житьи в Судной грамоте занимают промежуточное положение между боярами и «молодшими» («меншими», однако соответствующая им градация в «Уставе Ярослава» отсутствует вообще, будучи новообразованием XIV в.

Предложенная социальная характеристика «менших» и «вятших» людей не противоречит и сведениям о территориальном делении «менших» и «вятших» в ходе восстания 1255 г. Если обособление «вятших» связано в первую очередь с их преимущественным участием в государственном управлении, особая связь «вятших» с Софийской стороной в середине XIII в. закономерна, так как республиканское управление тогда находилось главным образом в руках боярства Прусской улицы.

В связи с этим определенное значение имеет вопрос о сущности летописного термина «совет зол». Исследователи вкладывают в этот термин эмоциональную окраску, видя в нем выражение сочувствия летописца «меншим» людям. М.Н.Тихомиров переводил его как «враждебный заговор». В самом деле, в той части летописи, которая повествует о посаднике Онаньи, сочувствие летописца явно на стороне «менших» людей. Сам летописец связан с Торговой стороной, которую он называет «нашей стороной». Это сочувствие остается неизменным и в той части рассказа, которая излагает события 1256–1257 гг.

В 1256 г. новгородцы посылают за Александром Ярославичем, который во главе новгородского войска совершает поход на Емь, после чего оставляет на новгородском столе своим наместником Василия Александровича. В 1257 г. к новгородцам приходит весть о намерении татар возложить на них ордынскую дань: «прииде весть из Руси зла, яко хотять татарове тамгы и десятины на Новегороде; и смятошася люди черес все лето». Повидимому, в нежелании принять татарские требования новгородцы были поддержаны сыном Александра Невского, а также воеводой Александром. В начале сентября умер бывший посадник Онанья, а зимой был убит посадник Михаил Степанович,

²⁰ Памятники истории Великого Новгорода / Под ред С. В. Бахрушина. М., 1909. С. 58.

по поводу чего летописец замечает: «Аще бы кто добро другу чинил, то добро бы было; аще кто под другом яму копает, сам ся ню впадет».

Когда «той же зимы приехаша послы татарскыи с Олександром, а Василии побеже в Пльсков; и почаша просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци про то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромъ, а князь Олександр выгна сына своего из Пльскова и посла в Низ, а Александра и дружину его казни: овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повел». По этому поводу летописец замечает: «Всяк бо зло дея, зле да погибнуть»²¹.

В 1259 г. была предпринята еще одна попытка, на этот раз удавшаяся. Появление татарских послов было теперь предварено привезенной Михаилом Пинещиничем «из Низу» лживой вестью: «аже не имется по число, то уже полкы на Низовьской земли». «Той же зимы приехаша оканьнии татарове сырядцы Беркаи и Касачик с женами своими, и инех много; и бысть мятежь велик в Новегороде, и по волости много зла учиниша, беручи туску оканьним татаром». Опасаясь физической расправы, послы потребовали у Александра охраны и пригрозили отъездом; «но чернь не хотеша дати числа». «Тогда издвоишася люди: кто добрых, тот по святой Софьи и по правои вере; и створиша супор, вятшии велятся ити меншим по числу. И хоте оканьнии побезати, гонимы Святымъ Духомъ; и умыслиша свет зол, како ударити на город на ону сторону, а друзии озеромъ на сю сторону; и възбрани им видимо сила Христова, и не смеша». Новгород оказался на грани восстания, однако «заутра съеха князь с Городища, и оканьнии татарове с нимъ; и злых [в Комиссионном списке: злыи их] светомъ яшася по число: творяху бо бояре себе легко, а меншим зло. И почаша ездити оканьнии по улицам, пишюче дома христьянскыя: зане навел Бог за грехы наша ис пустыня звери дивия ясти силных плъти и пити кровь боярьскую; и отъехаша оканьнии, взявше число, а князь Олександр поеха после, посадив сына своего Дмитрия на столе»²².

Не все ясно в этом рассказе. И прежде всего кажутся противоречивыми морально-социальные оценки летописца. С одной стороны, бояре «творят себе легко, а меншим зло». С другой —

---

²¹ НПЛ. С. 82, 309; ПСРЛ. Т.4. С. 38.

²² НПЛ. С. 82–83, 310–311.

«звери дивия» наведены Богом есть плоть сильных и пить боярскую кровь. Совместить эти оценки возможно, только разделив их. Первая сентенция, несомненно, отражает позицию летописца; вторая, по-видимому, принадлежит боярам. Татары прибыли в Новгород пить кровь боярскую, но бояре находят способ сделать себе легко, а «меншим» зло, иными словами — перекладывают тяжесть «числа» на «менших».

Еще одно трудное место в цитированном тексте — «свет зол». Не думаю, что этот термин отражает моральную оценку «злой совет», а понимаю под ним искаженное непониманием редактора летописи обозначение государственного учреждения «совета зельх», т. е. тех же «вятших».

Оставленный в Новгороде наместником после завершения татарской переписи в 1259 г. Дмитрий Александрович, подобно своему предшественнику Василию не был самостоятельным князем и участником ряда с новгородцами. До смерти Александра 14 ноября 1263 г. он лишь представляет своего отца, на что, в частности, указывает начальная формула договора Новгорода с немцами, заключенного после ухода Александра из Новгорода: «Се аз князь Олександр и сын мои Дмитрии с посадником Михаилом, и с тысяцьким Жирославом, и с всеми новгородци...»²³. Имя Дмитрия Александровича отсутствует и в соответствующей части летописного списка новгородских князей.

Однако особый ряд Дмитрия с Новгородом не был заключен и после смерти Александра Невского. Новгородцы, по-видимому, выжидают, как будет решен в Орде вопрос о великом княжении. В начале 1264 г. этот вопрос решается в пользу Ярослава Ярославича. Новгородская реакция на это решение говорит о торжестве принципа великокняжеского суверенитета над Новгородом, поскольку тотчас состоялось провозглашение Ярослава и новгородским князем.

Очевидно, что взаимоотношения республиканской и княжеской власти в эпоху Александра Невского становятся весьма сложными и противоречивыми. Добившись практического ослабления княжеской власти в Новгороде, боярство в то же время вынуждено использовать помощь князя в своей внутрен-

²³ ГВНП. С. 56–57. № 29.

ней политической и социальной борьбе и идти на уступки князю. Обратившись к некоторым позднейшим документам, мы обнаружим в них прямые указания на то, что такие неизбежные уступки были сделаны. Во всех договорах Новгорода с преемником Александра — Ярославом Ярославичем — имеется пункт о злоупотреблениях Александра: «А что был отъял брат твои Александр поже, а то ти, княже, не надобе. А что, княже, брат твои Александр деял насилие на Новегороде, и того ся, княже, отступити»²⁴.

---

²⁴ ГВНП. С. 9–13. № 1–3.